

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Кабылинского Бориса Васильевича на тему: «Аналитика конфликта: онтологические и эпистемологические аспекты», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.1. – онтология и теория познания

Диссертация Б.В. Кабылинского состоит из введения, в котором излагаются цели, задачи и методология работы, трех основных частей – «Онтология конфликта», «Эпистемология конфликта» и «Конфликтные паттерны» – и короткого заключения. Исходя из анализа современного состояния знания в области конфликтологии, соискатель приходит к выводу о том, что конфликт отдан на откуп политологии, социологии, юриспруденции и психологии, а философское изучение конфликта до сих пор остается маргинальным феноменом. Такое положение дел, по его мысли, приводит к тому, что имеющееся у нас знание о конфликте носит фрагментарный и аспектный характер, а приобретает оно на основании «внешних событий, условий, факторов, причин и следствий» (стр. 4). Конфликт, тем самым, оказывается внешним по отношению к участвующему в нем субъекту. Как полагает соискатель, только философский подход к изучению конфликта способен представить его как одну из сущностных сторон бытия человека и как производную от самого характера его бытия. Он представляет конфликт «в качестве повседневного способа быть» (стр. 29). Давая такое широкое экзистенциалистское определение конфликта, соискатель стремится выработать адекватный ему философский язык, способный раскрыть конфликт не через простую сумму его сторон, а как некое целостное состояние, следствия которого можно проследить на личностном, межличностном уровнях и, в конечном итоге, на уровне культуры. Для этого он представляет конфликт как антропологическое явление и укореняет его в онтологии хайдеггеровского типа, базисом которой становится «я-в-конфликтности» (стр. 3 и далее по тексту).

Первая глава диссертации «Онтология конфликта» посвящается выработке философского понятия конфликта в заимствованных соискателем у феноменологии Гуссерля терминах «ноэма» и «ноэза». В применении к анализу конфликта эти термины приобретают у него следующее значение: «[в] нозматике сознание заполнено предметностью конфликта и не реагирует ни на что иное» (стр. 42), а «[н]оэтика конфликта подразумевает осуществление перехода профильной аналитики на уровень систематической универсальности и обнаружения тотального единства всех составляющих элементов» (стр. 44). Как он полагает, «[в] целом критика традиционной конфликтной аналитики должна быть подчинена решению одной общей задачи – осуществлению перехода от нозматической парадигмы исследования конфликтов к ноэтической» (стр. 42). Феноменология конфликта разворачивается у соискателя между этими двумя полюсами, от «разрозненных фрагментов нозматических представлений о противоборстве Я и Другого» (стр. 44) в направлении его артикуляции, исходя из оснований, скрытых в природе экзистирующего человека.

Следуя этой логике, он переходит к анализу конфликта в терминах экзистенциальной онтологии, заимствованных, прежде всего у Хайдеггера, а также у Сартра. Исходным положением выступает у соискателя то, что конфликт означает одну из форм интеграции субъекта в бытие-в-мире (см. об этом стр. 27 и далее по тексту). Данная онтологическая структура последовательно раскрывается соискателем в работе в терминах «конфликт и страдание», «конфликт и насилие», «конфликт и конкуренция» и «конфликт и обретение собственной идентичности» и «конфликт и культура». Соискатель выделяет следующие основные категории онтологии конфликта – это «связь Я и Другого, единичное и всеобщее, признание Другого, сознание о конфликте с Другим и самосознание конфликтующего Я, зависть Я к Другому, невозможность взгляда на себя со стороны, коммуникация в конфликте, борьба Я и Другого, жертвенность бытия-в-конфликте, бифуркация конфликтного бытия, реальность конфликта, страдание, предметность бытия-в-конфликте и насилие» (стр. 72). В результате, конфликт раскрывается им «ноэтически», как антропологическая характеристика человека, т.е. через его внутренние источники.

Понимание конфликта как своеобразной «конфликтной реальности» (стр. 219) с неизбежностью требует от соискателя, стремящегося к автономии философского категориально-понятийного аппарата, описывающего конфликт, разработки, хотя бы в общих чертах, его особой эпистемологии. Этому посвящена вторая глава диссертации. Методология эпистемологии конфликта должна быть в состоянии раскрыть универсальные закономерности развития, сформулировать общие законы и выявить связи в процессе формирования знания о «конфликтном бытии» (стр. 119). Феноменологическая интерпретация конфликта как сущностной онтологической характеристики человека приводит соискателя к необходимости определить основной методологический принцип как принцип единства объекта и субъекта познания, который учитывает, что «знание об этом феномене было неразрывно связано с активностью субъекта, аккумулирующего и транслирующего информацию в пространстве и времени в рамках отдельно взятой культурной вариации» (стр. 120). Это, в свою очередь, приводит к признанию того, что знание о конфликте имеет культурно-исторический характер и поэтому всегда остается неполным. По мысли соискателя, познавательный принцип единства субъекта и объекта оптимальным образом реализуется через методологию эпистемы. Как он пишет, «[в]недрение термина 'эпистема' в теорию конфликта означает возможность философского постижения конфликтного бытия в пространстве и времени» (стр. 127). Преимущество эпистемы заключается в том, что она способна связать воедино ценностные и смысловые установки, исходя из которых действует субъект конфликта, а также принятые телесные практики «интеграции в окружающий мир» (стр. 144), т.е. дать органическое познание конфликта в координатах: антропологический источник конфликта – форма его реализации и репрезентации – способ его разрешения. Затрагивая вопрос о методах устранения конфликтов, на что, в целом, должна быть направлена эпистемология конфликта, соискатель отмечает, что «[по] мере исторического развития и смены эпистем фундаментальные программы конфликто разрешения остаются неизменными в ноэтическом плане, поскольку механизм устранения конфликта не меняется, но в ноэматике практического конфликто разрешения происходит постоянное обновление имеющегося опыта, базирующегося на апперцепированном восприятии этого феномена в конкретных вариациях культуры» (стр. 46). Свой тезис он иллюстрирует на

примере двух эпистемологических программ, затрагивающих конфликты постмодернистского типа, – «Цифровой вуайеризм» и «Виртуальное изгнание».

В последней главе диссертации соискатель останавливается на теориях среднего уровня, которые могут, как он полагает, выступить в качестве «связующего звена в структуре расположения элементов системы знания о теоретических и практических аспектах феномена конфликта» (стр. 220). В качестве таких теорий он рассматривает «паттерны», под которыми он понимает модели, основанные на повторяющихся элементах в структуре конфликта. Как он считает, «[р]азобщенные, дисперсные элементы системы знания о феномене конфликта синхронизируются внутри паттернов и приближаются к устойчивым коррелятивным взаимоотношениям в эпистемологической сетке» (стр. 219). Критикуя социологическое представление о паттернах, совпадающее с периодизацией архаика – античность – средневековье – индустриальная эпоха – современность (с. 247-259), соискатель предлагает вместо данной модели модель, учитывающую онтологическую природу «я-в-конфликтности». В такой модели «[н]оэматическая интерпретация паттерна предполагает соединение в единой точке пространственных и временных координат, приобретающих в данном синтезе упорядоченность и целостность. Соответственно, в ноэтическом смысле паттерн размыкается в рамках опосредованной рефлексии, захватывающей в темпоральности конфликта для-себя-бытие» (стр. 222). Другими словами, паттерны схватывают наиболее типичные закономерности конфликтов, абстрагируясь от «вариативных особенностей бытия-в-конflikте» (с. 221), при том, что конфликт разыгрывается в различных культурно-исторических условиях и его символические сопровождения (рефлексия, формы выражения и т.д.) значительно отличаются друг от друга. К таким закономерностям, происходящим с «онтологической необходимостью» (там же) соискатель относит идентификационные (гл. 3, § 2), аксеологические (гл. 3, § 3) и идеологические (гл. 3, § 4) паттерны паттерны. Эти модели вводят в эпистемологию конфликта знания о механизмах построения идентичности личностью, о влиянии на нее ценностных установок и мотиваций, о ценностной динамике конфликта, а также о манипулировании сознанием со стороны различного рода властных инстанций.

В коротком заключении соискатель подчеркивает, что философское понимание конфликта невозможно, если сам конфликтующий субъект оказывается вне сферы внимания. В признании в качестве начала размышлений о конфликте факта, что «[э]то я конфликтую», он видит залог успешного решения «научно-исследовательской задачи по автономизации философского знания о природе» этого феномена (с. 318).

Составляющий сущность диссертационного исследования замысел соискателя описать феноменологию конфликта, т.е. его механизмы, в терминах онтологии субъекта, можно, в целом, оценить как инновативный. Однако, ценность такого подхода мне видится не столько в его значении для эпистемологии (здесь методы конкретных дисциплин, на мой взгляд, работают достаточно эффективно), сколько в его этосе – в попытке гуманизации общей теории конфликта. В этом, несомненно, состоит достоинство диссертации. Однако, этим достоинством вызваны определенные недостатки обсуждаемой работы. Прежде всего стоит отметить, что, если взять за точку отсчета при анализе «бытие-в-конflikте», то размывается само понятие конфликта. Под него у соискателя подпадает все от простого

разногласия во мнениях до преступления (см. гл. 2, § 4. Эпистемологическая программа «Виртуальное изгнание») и революции (стр. 253 и далее). В таком случае возникает сомнение, что можно найти общий «паттерн» для разрешения таких различных форм конфликта. С другой стороны, несмотря на такое широкое понимание конфликта с точки зрения его формы, сам механизм конфликта у соискателя довольно узкий – это антагонистическое взаимоотношение «я» и «другого» по типу борьбы и вражды. Соискатель полностью игнорирует другие способы формирования и протекания конфликтов, включая внутренний конфликт личности. При чтении работы создается впечатление, что конфликтология не продвинулась вперед по сравнению с гегелевской диалектической моделью раба и господина. Эти два момента не разрушают представленную в работе феноменологию конфликта в целом, но предполагают доработку деталей. Говоря о работе целиком, можно сказать, что соискатель выполнил свою задачу, указав на философское измерение конфликта.

Диссертация Кабылинского Бориса Васильевича на тему: «Аналитика конфликта: онтологические и эпистемологические аспекты» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Кабылинский Борис Васильевич заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.1. – онтология и теория познания. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор философских наук, профессор,
экстраординарный профессор
Марбургского университета

Philipps-Universität Marburg
Fachbereich Gesellschaftswissenschaften
u. Philosophie
Institut für Philosophie
35032 Marburg
Соболева Майя Евгеньевна

Дата: 26.10.2021

f.-d. R. Weber
26.10.21